

УДК 327

Антонович И.И.

Глобальный кризис и перестройка системы геополитического равновесия

Антонович Иван Иванович, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки Республики Беларусь, действительный член Российской Академии социальных наук, профессор ИППК при МГУ имени М.В. Ломоносова, Чрезвычайный и Полномочный посол.

В первом десятилетии XXI века глобализация сделала мир взаимозависимым, особенно экономически. Начавшийся в США экономический кризис, превратившись в глобальный, существенно нарушил геополитический баланс. Автор полагает, что путем развития стратегического союза США, Китая и России этот геополитический баланс может быть не только восстановлен, но и способен стать «дорожной картой» выхода из глобального кризиса и создания основы для многополярного мирового порядка.

Ключевые слова: геополитический баланс, триполярность, конструктивное сотрудничество, глобальная взаимозависимость, социально-экономическая динамика.

Первое десятилетие XXI века ознаменовано триумфом глобализации, неумолимо проникающей во все самые отдаленные и отсталые регионы мира. Многочисленные исследователи связанных с ней геополитических процессов приходили к единому мнению по трем основным признакам глобального преобразования мира:

1. Ни одна страна в условиях глобализации не может полноценно развиваться вне рыночной экономики;
2. Государствление средств материального производства и обмена является все более неэффективным, ведет к растрате ресурсов и коррупции;
3. Свободомыслие и личная свобода в значительной степени поглощаются рыночной свободой, ориентирующейся только на коммерческую рентабельность того или иного общественного процесса.

Перед государством стояла задача невмешательства в ход глобальных процессов, его институтам доставались лишь действия по ликвидации ее негативных последствий.

Глобализация проходила по сценарию вестернизации. И казалось, что доминирование Запада над остальным миром достигло своего пика. Поражала и щедрость бизнес-сообщества Запада: на Восток, преимущественно в Юго-Восточную Азию, направлялись не только потоки финансов, товаров, ноу-хау. Происходило гигантское перемещение материальных производительных сил. Оно приняло название «outsourcing», в результате которого крупнейшие мировые сталелитейные, станкостроительные, машиностроительные производства перемещались преимущественно в Юго-Восточную Азию, где они находили неисчерпаемые резервы дешевой и квалифицированной рабочей силы, что многократно увеличивало прибыль и заодно избавляло западные государства от производств, особенно тяжелых по своим последствиям для окружающей среды и экологического равновесия. Странам «догоняющего развития» в Центральной и Восточной Европе в качестве экономического средства вхождения в глобальные процессы была предложена «шоковая терапия». Правда, рецепты быстрых преобразований по сценариям (весьма, впрочем, однообразным), особо позитивных результатов пока не принесли. Эти страны снова живут надеждами на светлое будущее, но на сей раз под лозунгами рыночной свободы и демократии.

Похоже, эти надежды рухнули с началом глобального мирового кризиса. Кризис, подвергший разрушительной коррекции многие мировые связи взаимозависимости, распространился в 2007–2008 гг. из Соединенных Штатов. Спусковым механизмом послужил ипотечный кризис – массовое кредитное финансирование жилищного строительства. Невозврат кредитов привел к краху ряда ведущих американских банков. Среди них крупнейший, своего рода визитная карточка кредитного мира, «Лемон Бразерс», а также многих биржевых структур. К кризису неплатежей добавилась паника, которая охватила весь мир, ибо все крупные финансовые институты США являлись де-факто мировыми по масштабам своих действий. Это заставило мировую аналитику сместить свои акценты и сосредоточиться на критике глобализации. Самой ущербной ее особенностью сегодня объявляется та, что она выражает себя как осуществление целостной взаимозависимости стран мира, которую формируют свободное движение капиталов, преодоление таможенных барьеров, и которая управляется национальными центрами мировой капиталистической власти – Международный валютный фонд, Организация экономического сотрудничества, Мировой банк. Эти международные организации, где представлены многие страны мира – доноры, встроены в мировую финансовую сеть, именуемую «NyLonKong» (аббревиатура от названия городов Нью-Йорк, Лондон, Гонконг) и зависят от ее конъюнктуры. Ведущая форма их деятельности – биржевые спекуляции, кредитная политика быстрого перемещения капиталов – каждый день до

полтора триллионов евро и долларов меняют владельцев, переходя из рук в руки в отдельных транснациональных банковских центрах путем одного щелчка мыши.

Только один процент этих сделок отражает производственно-экономические цели общества. Основной капитал современного мира – спекулятивный. Он накапливается в огромных масштабах благодаря биржевым манипуляциям, многократно превышающим валовой национальный продукт всего мира. Его главная задача – поиск все увеличивающейся прибыли через быстрые перебриски из одной страны или одного региона мира в другой. Национальные структуры власти, такие как парламент, главы государств, кабинеты министров, а также общественное мнение и печать сегодня не могут оказать влияние на это движение капитала. Современный капитализм – это техно-капитализм. Новейшие научно-технические открытия немедленно внедряются в производство с целью снижения производственных затрат и увеличения прибыли. Все меньшее и меньшее число рабочих рук требуется для производства все большего количества товаров. Рабочие руки заменяются совершенными машинами. Ни одна из богатых стран мира не сумела справиться с растущей безработицей и бедностью своих граждан. Всеплощающие финансовые спекуляции, узко мотивированная кредитная политика глухи к этим насущным проблемам населения мира. Кризис серьезным образом усилил процессы пауперизации граждан, создав мощные зоны социального напряжения и конфликтности в богатых странах мира, разрушил хрупкое геополитическое равновесие, формировавшееся на планете в течение последних двух десятилетий.

Ведущие аналитики, мощные исследовательские центры, национальные структуры мониторинга сосредоточили свое внимание на экономических последствиях кризиса. Политические системы (body politics) оказались к нему неподготовленными. Они вынуждены предлагать экономические рецепты для его лечения, пытаются создать у граждан ощущение временности, переходности этого серьезного упадка мирохозяйственной глобальной системы. Однако, пока ни одна страна мира эффективных рецептов элиминации кризисных явлений не предложила. Характерно, что во всех без исключения странах мира экономические сценарии выхода из кризиса осуществляются за счет различного рода бюджетной и государственной экономии, которая самым тяжелым образом ложится на плечи народных масс: здесь и повышение налогов, и сокращение заработных плат и пенсий и, самое главное, все новые и новые массовые увольнения и увеличение числа безработицы. Этой болезнью не избежала ни одна страна мира, охваченная кризисом. А граждане охваченных кризисом стран убеждаются, что стратегия «more of the same», т.е. лечения новых общественных проблем старыми методами, неэффективна.

На фоне продолжающихся экономических неурядиц и трудностей, которые, похоже, продлятся еще не одно десятилетие, настало время более внимательно рассмотреть эволюцию геополитической структуры мира, систему взаимоотношений государств, региональное и национальное сотрудничество. В значительной степени ход кризиса, время его наступления было отягчено рядом важнейших геополитических шагов, предпринятых странами Атлантического сообщества, стремившихся в новых условиях сохранить свою господствующую роль в геополитическом мироуправлении. Безусловно, первенство здесь принадлежит Соединенным Штатам, которые по-прежнему верны своей идее всемирного лидерства и готовы достичь его любыми путями, включая и насилие над другими, более слабыми государствами и регионами мира.

За истекшие 11 лет XXI столетия Атлантическое сообщество, активно используя свою вроде бы «оборонительную» организацию НАТО для навязывания своей воли миру, предприняло ряд политических авантюры, серьезно осложнивших ход всемирного кризиса, имеющих тяжчайшие последствия для мирового сообщества. Здесь идет речь, прежде всего, о военной акции, предпринятой США в Ираке якобы для уничтожения работ по созданию ядерного оружия, а на самом деле мотивированной скрытыми целями установления контроля над нефтяными богатствами Ирака и ослабления одного из важнейших государств Ближнего Востока, составлявших угрозу Израилю.

Если в данном случае США начали свою политическую авантюру при несогласии ведущих государств – членов НАТО (Франции и Германии), то все-таки им удалось мобилизовать значительную часть членов Альянса и других государств. Эта военная акция окончилась провалом. Агрессия против Ливии в 2011 г. была предпринята двумя членами НАТО – Францией и Англией, якобы для обеспечения свободы ливийскому народу. Но потом в нее оказались втянутыми (против своей воли, как намекает президент Обама) США. В обоих случаях результаты одни и те же: силы вторжения оставили обе страны в руинах, принесли неисчислимые бедствия народам и создав реальную угрозу расчленения этих государств на несколько марionеточных анклавов, возглавляемых полевыми командирами. Характерно, что против главного инициатора этой акции – тогдашнего президента Франции Н. Саркози – начато уголовное расследование в связи с финансированием его избирательной кампании 2007 г. Муаммаром Каддафи (СМИ намекают, что долларový след ведет из Триполи и в канцелярии других западных стран).

Столь же безуспешной является и военная акция стран-членов НАТО в Афганистане, где после первоначальных успехов закрепить стратегическую инициативу не удастся уже 10 лет. Страны НАТО оказались сейчас в остром положении и ждут-не дождутся 2014 г., когда будет обеспечена возможность их ухода из Афганистана. Нет сомнения, что как пребывание сейчас НАТО в Афганистане, так и уход из него мира этой многострадальной стране не принесут.

Военные акции Атлантического альянса в первые 10 лет XXI века серьезным образом обесценили технологии мирового и геополитического влияния, которыми Атлантический альянс обеспечивал свое господство. Утверждение о необходимости свободных рынков сплошь и рядом наталкивается на защитные функции правительств стран-членов западного сообщества во всем, что касается защиты их товаропроизводителей, финансовых и политических интересов. Серьезную дискредитацию претерпела и идея «продвижения демократии и обеспечения прав человека», которая фактически была главным интеллектуальным и пропагандистским оправданием агрессивной политики Запада во всем мире. Опыт разрушенных стран (Ирака, Ливии, Афганистана) показывает, что демократию нельзя насадить извне. Становление демократии в каждой отдельной стране – это длительный исторический процесс, всецело обусловленный неповторимой национальной спецификой страны, ее историческим опытом, соотношением политических сил, степенью исторической зрелости государственных и общественных институтов. По ходу военно-политических действий в мире стран-членов Атлантического альянса они продемонстрировали и кризис собственной демократии. За период кризиса, который с особой силой охватил Евросоюз, США, демократические системы не выдвинули ни одного политического лидера, который получил бы мандат от боль-

шинства граждан своей страны на обеспечение действенной программы восстановления экономического функционирования, ликвидации социальной напряженности, достижения политического консенсуса.

Многopатpийная система западной демократии в последние десятилетия во многом дискредитировала ее классический принцип – правление большинства. Многopатpийная демократия дробит электораты. Это делает невозможным получение в ходе выборов убедительного большинства, как о том свидетельствуют сейчас избирательные кампании во многих европейских странах и особенно избирательная кампания в США. В годы нахождения у власти президента Обамы республиканцы, стремившиеся вернуться обратно любой ценой, фактически разрушили десятилетиями складывающийся принцип двухпартийного консенсуса по основным вопросам внешней и внутренней политики стран. Республиканцы в Сенате успешно заваливали ряд программ, жизненно необходимых для народа Соединенных Штатов, только чтобы «насолить» президенту Обаме и помешать его избранию на второй срок.

Экономический и социально-политический кризис, охвативший Евросоюз, имеет далеко идущие последствия для геополитического равновесия мира. Похоже, что неспособность преодолеть кризисные явления в Евросоюзе (в настоящее время 9 из 27 стран – членов ЕС функционируют в техническом дефолте) надолго выведут его из числа активных игроков на геополитическом поле. Попытки избежать дефолта в европейских странах (Греция, Ирландия, Испания, Италия) выразились в основном в реструктуризации долгов и получении новых займовых кредитов. Это сугубо симптоматическое лечение, не предусматривающее каких-либо серьезных изменений в производственно-экономической деятельности стран, в их поведении внутри ЕС и на мировой арене и является лишь временной отсрочкой кризиса. Не случайно европейская печать сейчас полна мрачными прогнозами наступления второй волны всемирного кризиса. Вдобавок, кризис серьезным образом обесценил миф о политическом единстве стран-членов ЕС. Каждая из них при наступлении кризиса пыталась решить его преимущественно за счет других. Несколько больше это удалось более благополучным странам, а недавно принятые страны Центральной и Восточной Европы и Прибалтики вообще оказались в положении маргиналов.

Обращает внимание, что в Европе на фоне единой структуры ЕС сложилась очень сложная иерархия, в чем-то напоминающая систему подчинения и соподчинения европейских стран в 20-е годы прошлого века. Наверху этой пирамиды находятся Германия, Франция, Великобритания. Середину составляют страны юго-западной Европы. И, наконец, «дно» – маргиналию – составляют бывшие социалистические страны Центральной и Восточной Европы и Прибалтика, за исключением, возможно, Польши. Некоторые исследователи говорят о расколе ЕС по другой линии – западноевропейская и проамериканская части. Первая состоит из стран-основателей ЕС, другая – из маргиналов, находящихся во внешнем управлении США.¹

В этих условиях можно говорить сегодня о несколько хаотическом состоянии геополитики, где страны, которые осуществляли безусловное лидерство, должны принять неординарные и энергичные шаги, чтобы восстановить рациональность в системе международных отношений. Одновременно успешные страны Азии – Китай, Индия, Южная Корея, Сингапур – осуществляют сценарий нового геополитического влияния, добиваются большего веса в международных организациях и медленно, но неуклонно наращивают свое экономическое могущество.

В этой связи в мире, в сообществах социологов, экономистов, политологов идет бурная дискуссия о перемещении деловой активности бизнес-инициативы и политического влияния на Восток. А некоторые даже говорят о замене вестернизации (от английского West – запад) истернизацией (от английского East – восток). На наш взгляд, замена одного полюса на другой невозможна. Скорее можно говорить о медленном, но неуклонном развитии новой геополитической структуры мира, в которой Восток и Запад будут весьма серьезным образом зависеть и дополнять друг друга. Запад по-прежнему лидирует в научно-технических новшествах. Без его многовекового опыта модернизации Восток не может совершить свои цели исторического обновления. В то же время Запад все в большей мере зависит от товарных потоков с Востока, от необходимости более активно использовать избыточную рабочую силу стран Азии с плотной демографической структурой для решения ряда производственных задач. Это ему служит и политика аутсорсинга, и привлечение в страны западного сообщества ведущих специалистов из развивающихся стран.

В геополитическом дроблении сфер влияния и поиска возможностей осуществления мировых задач каждая страна ищет свои шансы, пути более эффективного обеспечения национальных задач и, разумеется, средств выхода из кризиса, от которого не удалось увернуться ни одной из них. В этот период перестройки и становления новой геополитической реальности мира определенные шансы представляются и России. У нас закончилась довольно интенсивная избирательная кампания, в ходе которой, впрочем, за исключением статей В.В. Путина о будущем России, других нетривиальных проектов развития предложено не было. Теоретики спорят о соотношении консерватизма и либерализма в действиях тандема, толкуют либерализм по Л.И. Ионину как уважение к тайнам жизни, воплощаемое в признании и поддержке авторитетов, будь это Бог, природа, история и государство. Другие оправдывают консерватизм как мощный рывок по обновлению и модернизации страны. Однако что необходимо модернизировать, а что сохранять – на этот счет, к сожалению, так и не было предложено новых интересных идей.

Безусловно, состоявшиеся думские и президентские выборы представляют собой новый этап развития российской демократии, которая уже сейчас демонстрирует как свои преимущества, так и недостатки. Важнейшим преимуществом российской демократии, по сравнению с ее глубоким кризисом в Европе, является то, что она способна выдвинуть талантливых лидеров, готовых завладеть общественным вниманием и предложить пути дальнейшего движения вперед. В эти выборы таким деятелем оказался В.В. Путин, получивший убедительное большинство, которое всеми на Западе было охарактеризовано как landslide (обвалный успех). Характерной особенностью этой кампании явилось, однако, формирование и устойчивого, хорошо организованного меньшинства, которое не готово ни под каким предлогом признать состоявшиеся выборы только потому, что они противоречат их интересам. Меньшинство выдвинуло своих героев, в основном блогеров. Они пока, однако, не спешат с выдвиганием серьезных, обновляющих наше общество программ. Лозунги «Долой нечестные выборы!»

¹ Luce E. America's dream unravels // Financial Times. March 31 / April 1, 2012.

и «За Россию без Путина!» по-своему устойчивы, их можно повторять по всему ходу нового президентства. Однако они ничего не добавляют к умению управлять страной или возможностям реализовать новые смелые инициативы. Впрочем, с новыми смелыми инициативами в России проблема была всегда.

Год переизбрания президента явился и годом юбилеев значительных по своей исторической природе и далеко идущих по своим последствиям. В 1612 г. страна была очищена от польского нашествия. Самозванец изгнан из Москвы. Это открыло возможности для российского общества избрать вечевым, то есть общенародным способом на царство нового царя. Династия продолжалась 300 лет. В этом же году исполняется 200 лет Бородинской битве, которую отдельные наши исследователи превозносят как победу над Наполеоном, хотя битва окончилась, по сути, «вничью», серьезным образом обескровив обе сражающиеся стороны. Еще один 200-летний юбилей – юбилей Александра Герцена, человека, которого не без основания считают основателем демократического вольнодумства в России, мощным интеллектуальным противником абсолютизма, который, как известно, «разбудил» декабристов. Правда, «разбудили» ли декабристы «народников» или они появились сами – это уже менее ясный вопрос. Кто потом «разбудил» большевиков – этот вопрос пока так и остался без объяснений, так же как и то, кто их «усыпил» после 70 лет нахождения у власти. Эти юбилеи требуют серьезного размышления с целью извлечения из них выводов для нашей будущей истории.

Одной из любопытнейших особенностей российской истории является то, что В.О. Ключевский назвал «нелюбовью к России», проявившейся еще в XII–XIII столетиях. То, что великий историк назвал «нелюбовью», фактически означало, что уже тогда, на пике развития Киевской Руси и незадолго до ее гибели, Западная Европа, утопающая в феодальных, религиозных и всяких иных войнах, чувствовала российскую мощь. Татаро-монгольское нашествие остановило это великое движение Руси и не вызвало сочувствия, а скорее озлобленную радость со стороны своих западных соседей. Именно эта озлобленная радость все время татаро-монгольской неволи толкала Польшу на продвижение своего влияния в восточно-европейский православный мир. Конец московской смуты навеки положил конец этим ее претензиям.

Главным в изгнании Наполеона является, безусловно, не Бородинская битва, а то, что Россия взяла на себя всю тяжесть разгрома этой мощной европейской силы. Окончательная точка была поставлена при Ватерлоо. После разгрома Наполеона ликующий Париж приветствовал императора Александра I. До сих пор европейские (и некоторые наши) источники почему-то избегают акцентировать величайшую историческую особенность русской войны против Наполеона – это была народная война, война неправительственная. Мобилизация народа обеспечила успех и сломала хребет наполеоновской силе (можно провести некоторые аналогии и с Великой Отечественной войной 1941–1945 гг.). Итоги российской победы над Наполеоном оказались минимизированными интригами западных союзников, еще недавно раболепствовавшими перед Бонапартом, но нагличавшими с российским императором. Как отмечает историк В.О. Ключевский, Александр I вернулся из Парижа, изнуренный циничными нападками на него европейских монархов, совсем другим человеком. Он стал неразговорчивым, необщительным, глубоко ушел в себя. Им стали овладевать настроения мистической всепокорности и пессимизма. Кампания 1812 года, как и ряд других до и после нее, преподнесла один важнейший исторический урок, который нельзя забывать никогда: ни при каких обстоятельствах Запад не хотел и не хочет усиления России. После наполеоновских войн и до нынешнего времени главная задача Запада – не допустить усиления России. Запад будет считаться с Россией таковой, какова она есть – сильной или слабой. Но всегда будет делать так, чтобы Россия была скорее слабой, чем сильной. Эта простая истина доказывалась потом всем ходом российской истории и, в частности, окончанием Второй мировой войны.

Когда-то известный американский публицист Эдгар Сноу писал, что после Ялтинской конференции 1945 года Ф.Д. Рузвельт фактически смирился с советской гегемонией в Восточной Европе. Он пообещал Сталину 10-миллиардный займ для восстановления разрушенного народного хозяйства и возможность взять репарации со всей Германии. Смерть Рузвельта изменила все это. Сноу пишет, что после Рузвельта внешняя политика США все больше и больше зависела от генералов и адмиралов, базируясь на стратегической необходимости возможной войны с СССР. Если для СССР главнейшей задачей послевоенного развития было восстановление порушенного хозяйства, ликвидация военной разрухи, то для США главная задача была в том, чтобы сохранить мощную военную промышленность, способную вооружить весь мир или, как минимум, своих союзников, и тем самым избежать экономического кризиса, который мог бы случиться, если бы производственные мощности, работающие на войну, стали сокращаться, безработица увеличиваться и миллионы американских солдат, вернувшихся из-за океана, не могли бы найти работу и средств к существованию. Такова была важнейшая стратегическая задача.

Соединенные Штаты не могли осуществить резкий поворот в своей военной политике и наращивании военного могущества. Они нашли «врага» в лице Советского Союза как второго государства мира по влиянию, могуществу и авторитету. Объявив политику «сдерживания коммунизма», начали холодную войну. Признание этого «первенства» США имеет принципиальное значение для понимания причин и хода «холодной войны». Трумэн понимал историческую отягченность этих шагов. Тот же Эдгар Сноу, описывая последнюю встречу с ним, назвал Трумэна «бедным Гарри» и пояснил: «Я не могу забыть его последней фразы, обращенной ко мне, когда я уходил: “Вы знали, что я не просил об этой работе. Рузвельт знал, когда умереть, чтобы стать героем. Умирать нужно вовремя. Если бы он выжил, то вляпался бы в ту же самую грязь, в которую угодил я”»².

Для нас эти оценки служат важным указанием на то, что констатируемая в течение столетий нелюбовь к России является перманентной геополитической озабоченностью Запада. При всем принятии русской культуры и высших интеллектуальных, научно-технических достижений России Запад, тем не менее, не может примириться с ее ролью как возможного соперника в геополитическом противостоянии. Эта роль преувеличивалась Западом в эпоху СССР. Но боязнь исторического восстановления России является серьезным стимулирующим действием для определенных сил на Западе, и в особенности Соединенных

¹ Snow E. Stalin must have peace. Random House, 1947. P. 127.

² Цит. по: Дэвис Д., Трани Ю. Кривые зеркала. М., 2009. С. 423.

Штатов. Фраза Митта Ромни о том, что Россия является врагом № 1, прекрасно иллюстрирует эту идею-фикс.

С учетом этого нынешний период, переживаемый Россией, и размышления о ее перспективе на фоне юбилеев говорят прежде всего о том, что России нужно обеспечить свой путь, достигнув геополитического равновесия с ведущими странами мира в ближайшей перспективе. В первое десятилетие XXI века геополитическая задача России состояла в том, чтобы заставить уважать себя другими народами на фоне удручающей системной слабости и кризиса, продемонстрированного ею в 1990-е годы после распада СССР. Важной поворотной вехой на этом пути послужила знаменитая мюнхенская речь В.В. Путина 2007 г. Она послала западному сообществу сигнал: Россия не будет более безоговорочно соглашаться со всякой западной геополитической инициативой, поддерживать сомнительные мировые проекты без тщательного учета национального интереса и защиты своего национального достоинства. Речь была встречена с напряжением. И истина слов Путина была проверена грузинской агрессией 2008 г. В силу своего исторического опыта Россия не стоит за ценой, когда ей надо добиться победы. И геополитическое значение разгрома грузинских войск, экипированных американцами, снабженных новейшими образцами мощной разведывательной техники США, а также военной техники Украины, означало одно: Россия – великая страна, которая будет играть активную геополитическую роль. Именно с тех пор обозначилась мощная пропагандистская кампания против В.В. Путина, изобилующая выдумками и инсинуациями с использованием новейших пропагандистских технологий, инициатором которых является сенатор Маккейн.

Реагировать на нее можно, не демонизируя Соединенные Штаты Америки, а хорошо изучая ее нынешнюю мировую стратегию. В ее основу на всем протяжении XX и нынешнего столетия положен один тезис: США не могут допустить возникновения, государства или союза государств, способных стать их серьезными мировыми конкурентами. С учетом этого необходимо помнить, что все наши способы «догоняния», «опережающего догоняния» и имитации выдающихся технических и социальных успехов Запада были исторически неполными и ущербными. Имитации Запада России не хватает. Ей надо реализовать свою уникальную геополитическую роль лидера евразийских государств. В этом и будет заключаться ее новая историческая миссия. Восстанавливая достоинство и историческую значимость государств постсоветского пространства, объединяя их в реализации новых совместных программ модернизации, Россия сможет сказать свое слово мировому сообществу и обеспечить свои собственные объективные задачи развития.

В ходе современной избирательной кампании США вопросы американского будущего серьезно заботят американскую общественность. В общественном мнении Соединенных Штатов вырисовывается консенсус, что по мере того, как центр экономической тяжести перемещается на Восток, задача Соединенных Штатов состоит в том, чтобы остановить свой исторический упадок и восстановить свое былое влияние и мощь¹.

Интересно, что значительная часть общественной дискуссии проходит по формуле: каким быть американскому капитализму и каков путь восстановления потерянного могущества. Известный исследователь американской социальной ситуации Ананд Гиридарас, описывая интеллектуальный контент предвыборных дебатов, отмечает: «Снова и снова кандидаты пытаются определять различия между различными формами капитализма. Одни (Митт Ромни, Гингрич) выделяют как негативный «панибратский капитализм» (Crony Capitalism), то есть предполагающий взаимную криминальную повязку, осуществляющую уход от налогов, взаимную поддержку, в то же время другие кандидаты (Санторум, Обама) говорят об альтернативе «капитализму стервятников» – новой формы капитализма – «социальном капитализме», который способен защитить широкие массы граждан, страдающих сейчас от сверхжадности транснациональных корпораций, поделивших мир между собой, но стремящихся только к максимализации прибыли².

Транснациональный капитализм, по мнению значительной части американцев, если не большинства, не удовлетворяет потребности американского народа в благополучии и социальной защищенности. Массовая безработица, которая распространилась на все промышленно развитые территории Соединенных Штатов, нанесла колоссальный удар по облику городов и поселков, где выходит из строя канализация, ухудшается состояние шоссейных дорог, ухудшается работа социальных служб. Деиндустриализация Америки, вызванная перемещением производств в страны с дешевой рабочей силой, приносит в качестве непредвиденного последствие социальную деградацию американского общества. «В мире, где центр экономической тяжести перемещается с Запада на Восток, слишком большая вера в казино и другие формы финансовых спекуляций означает банкротство американской мысли во всем, что касается национальной политики. Публикуются графики, которые показывают рост числа рабочих мест в сфере обслуживания, но никто не говорит о том, что это менее ценные работы, чем сфера материального производства. Подобно тому, как Америка осуществила переход из преимущественно сельскохозяйственного производства к промышленному столетие назад, она сейчас осуществляет переход к сфере услуг, возлагая надежду на то, что интеллектуальная мощь и есть американское будущее³. Значительная часть новых рабочих мест в сфере услуг является работой по кратким контрактам. И это не дает возможности создать устойчивую систему социального обеспечения и медицинского обслуживания. Из-за этого за последние десятилетия число американцев, пользующихся социально устойчивой системой пенсионного обеспечения и медицинского обслуживания, сократилось наполовину.

Одновременно в сфере услуг высший эшелон управленцев и составителей программ наслаждается мощным ростом благосостояния и далеко отрывается от основной массы занятых, которые существуют на грани бедности. Миллиардеры «мягкой силы» («soft power»), такие как Ларри Эллисон из Oracle и Марк Цукерберг из Facebook, присваивают себе огромную долю американского совокупного богатства, становятся во главе списка Forbes из 400 миллионов, но они практически не участвуют в программах создания новых рабочих мест, совершенствования социального обеспечения и медицинского обслуживания. Эти миллиардеры, в основном, финансируют Республиканскую партию, которая, действуя по их наводке, фактически торпедирует прогрессивные социальные реформы в интересах большинства населения. Роб Кокс, обозреватель журнала Newsweek, пишет по этому поводу: «Хотя новые миллиардеры из

¹ Luce E. Op. cit.

² См. Giridharadas A. Real debate behind the media circus // International Herald Tribune. March 31 – April 1, 2012

³ Luce E. Op. cit.

Силиконовой долины представляют себя в качестве новых святых американского капитализма, они начинают напоминать мне нечто совершенно противоположное: бароны-грабители – столь же хищные, как и одетые в черные пиджаки и высокие шляпы индустриальные лидеры XIX столетия. Подобно своим предшественникам XIX века, строившим железные дороги, открывавшим сталелитейные заводы, создававшим банковскую систему и нефтяную промышленность, новые предприниматели Силиконовой долины используют технологию для обеспечения эффективности бизнес-деятельности всюду в мире. Но в качестве негативного последствия этот процесс производит колоссальные экономические и рабочие неурядицы, сокращая объемы рабочей силы, порождая экономическое неравенство»¹.

Единственное правило, которое пытаются внедрить в общественную деятельность эти новые бароны-грабители, состоит в том, чтобы действовать без всяких правил, ориентируясь только на массовую прибыль, говорит автор. Это приводит к тому, что, во-первых, в глубоком кризисе находится американский средний класс. Главная проблема в том, что представители среднего класса не могут сейчас получить прочную, надежную работу по долгосрочным контрактам. Это лишает их главной возможности осуществления благосостояния – получения многих благ жизни в кредит. Колоссальное имущественное неравенство непрерывно возрастает. В 2010 г. один процент работающих «наверху» присвоил себе 93% доходов. Самое опасное сейчас в том, что только обладатели докторских дипломов могут получить достаточно хорошо оплачиваемую работу. Масса выпускников колледжей оказываются безработными, число не имеющих работы среди них достигает 50%. Исследователи с беспокойством констатируют растущий разрыв не только по уровню жизни, но и по мировоззрению, по оценке ситуации и мировой роли между руководящими элитами общества – бизнесменами, топ-менеджерами, политиками, профессурой высших университетов и средним классом, который глух к призванию ведущей роли Америки и заклиниваниям об американском величии, ибо видит, как каждый день его жизненные планы рушатся, и он оказывается все в более стесненном материальном положении. Цитируемый нами исследователь Э. Льюис говорит о том, что «средняя» Америка, то есть Америка среднего класса, составлявшего гордость и опору американского общества, нуждается в своеобразном Плане Маршалла внутри страны для того, чтобы ликвидировать существующие дисфункции экономической системы и остановить непрерывный рост экономического неравенства. «Средний класс – это массовый избиратель, который обеспечивает основную электоральную группу. Его разочарование в обществе, в котором он совсем недавно считался фаворитом, имеет непредсказуемые последствия для будущего страны². Движение OWS («Occupy Wall Street») родилось в недрах среднего класса, и это отнюдь не стихийный протест.

Акции движения «Occupy Wall Street».

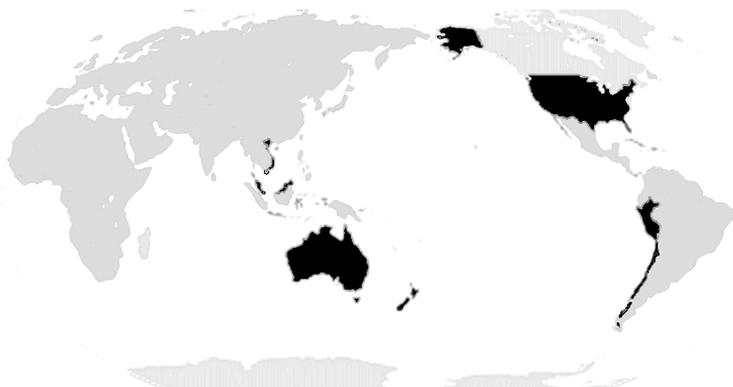
Фото с сайтов <http://permanentcrisis.blogspot.ru/2011/10/is-occupy-wall-street-progressive.html>;
<http://www.forbes.com/sites/stevedenning/2011/10/07/why-occupy-wall-street/>;
<http://gruid.org/2011/11/12/thank-obama-for-the-occupy-wall-street-movement/>

Сопоставляя внутренние проблемы Соединенных Штатов с провалами во внешней политике, можно сказать, что страна находится в системном кризисе, преодолеть который можно только фундаментальной социально-экономической и политической реформой. Однако противостояние двух партий, сосредоточенных преимущественно на борьбе за овладение Белым Домом, мешает выдвижению личностей и групп, способных реализовать далеко идущие планы модернизации Америки.

С каждым днем становится все более очевидным, что Соединенные Штаты не в состоянии в одиночку решить свои проблемы, а их нынешний подход к миру и международным отношениям говорит о том, что устойчивой системы равноправных связей с внешним миром у них так и не выработалось. Не успев еще оправиться от поражений в Ираке и Афганистане, Америка смещает свои геополитические акценты на Восток, но действует преимущественно силовыми методами. Б. Обама объявил о новом «Транстихоокеанском партнерстве», которое тоже основано на силе: закладываются первые кирпичики в некую новую паутину военного присутствия Америки в Тихом океане, паутину, простирающуюся от Японии до Австралии и Тайваня, постепенно, но неуклонно окружающую мощным поясом военного воздействия Китай и создающую новые угрозы для безопасности дальневосточных регионов России. В то же время армия США реформируется таким образом, чтобы, сокращая военные расходы, сохранить ее боеспособность путем готовности к нанесению мощных точечных ударов в различных уголках земного шара, используя в том числе и военно-морскую мощь, превосходящую все военно-морские силы мира, вместе взятые. Исходя из агрессивности нынешних устремлений политической элиты Соединенных Штатов, полагающих, что военная сила – главное средство влияния на мир, можно предположить, что в этом десятилетии мир будет ввергнут в новый виток гонки вооружений, который ляжет тяжелым бременем на бюджеты не только других стран мира, но и Соединенных Штатов

¹ Cox R. The ruthless overlords of Silicon Valley // Newsweek. March 19, 2012

² Luce E. Op. cit.

Государства – члены Транстихоокеанского партнерства: Австралия, Бруней, Вьетнам, Малайзия, Новая Зеландия, Перу, Сингапур, США, Чили.

рит, что в среде международных аналитиков, которые изучали Китай в последние десятилетия, доминирующей является школа, которая за каждым историческим поворотом Китая видит его новый триумф. Эти ожидания триумфа увязываются в общую концепцию о том, что Китай является «колыбелью человеческой цивилизации», что ему и впредь предстоит осуществить такой же неудержимый рывок к благосостоянию и стабильности, и в этом мощном потоке он увлечет за собой всю Азию, а потом и, возможно, весь мир.

В то же время Фенби говорит о том, что в начале XXI века возникла и вторая школа, которая исходит из того, что Китай строит свое благополучие на «склоне вулкана», из которого может в любое время обрушиться лава, затопить собой все великие достижения, и обречь на провал будущие планы. Они удивляются тому, что это все еще не случилось до сегодняшнего дня. Рассуждая в рамках этой альтернативы, Фенби делает, однако, другой, непохожий на два предыдущие, вывод. Он говорит о том, что «одной из величайших угроз нашему благополучию в XXI столетии будет не китайский успех, а китайский провал»¹.

Эта угроза неуспеха, и даже провала, которая негативно скажется на всем мире, для Фенби и его рецензента в газете «Financial Times» лорда Паттена, кажется весьма реальной. Сегодня Китай по мере того, как американская экономика становится экономикой услуг, развивает мощную экономику материального производства и является уже самым крупным экспортером стали, потребителем энергии, экспортером товаров потребления, начиная с предметов одежды до вузузел и сомбреро. За период мощного китайского спурта более 400 миллионов китайцев вышли из состояния хронической бедноты. Сотни тысяч из них получили доступ в высшие учебные заведения, и возвращаются в производительную сферу в качестве рабочей силы с университетскими дипломами, обеспечивая еще большую инициативность, предприимчивость и экономический рост.

«Сегодня наблюдатели задаются вопросом, – говорит Фенби, – является ли Китай богатой страной с большим числом бедных или бедной страной с большим числом богатых? Кроме этого, удлинение продолжительности жизни и резкий контроль над рождаемостью приводит к тому, что в Китае происходит стремительное старение населения, создающее серьезные дисбалансы между поколениями. Культурная особенность предпочтения мальчиков и возможность угадывания пола на ранних этапах беременности приводит к превышению численности рождающихся мальчиков над девочками»².

Для решения задач дальнейшего экономического роста эти дисбалансы нужно срочно ликвидировать, тем более, с учетом того, что скоро другой азиатский гигант – Индия – достигнет 1 миллиарда населения, а потом и превзойдет Китай как по численности населения, так и по числу подготовленной рабочей силы для участия в современных видах производства. Китай сегодня тратит намного меньше, чем зарабатывает, и это тоже приводит к определенным дисбалансам. Декада быстрого роста, начавшаяся с 1997 года, привела к падению заработной платы в объеме национального дохода с 50% до 40%. Социализм с «китайской спецификой» сумел увеличить экспорт в Америку за последние 15 лет на 1600 процентов. Однако это привело к огромному накоплению денежных масс у частных предприятий и государственных монополистов, и, как отмечает большинство современных американских исследователей Китая, перевести эти массы в инвестиции для оживления национального потребления – главной проблемы современного Китая – будет очень трудно.

Социально-экономическая динамика Китая, обеспечившая невиданный рост экспорта и вместе с ним объемов валового национального продукта, однако, попадает в серьезную зависимость от мировой конъюнктуры, что особенно ясно проявляется в эпоху экономического кризиса конца нулевых и продолжающегося еще сейчас.

Поставив себя в зависимость от экспорта товаров в развитые и развивающиеся страны, Китай, в качестве непредвидимого последствия, поставил себя в зависимость и от экономической конъюнктуры Запада, и от хронических проблем, терзающих развивающийся мир. Европейский и американский социально-экономические кризисы серьезно замедлили массовое потребление в этих странах, существенно сократив потребность в китайском экспорте. Страны Евросоюза, используя тот факт, Кристин Лагард – гражданка Франции, то есть европейка, – председательствует в МВФ, пошли на беспрецедентный жест, заставив МВФ идти с протянутой рукой ко всем странам с просьбой о дополнительном финансировании (официально речь идет об увеличении ликвидности в МВФ, но, на самом деле, о создании своеобразной финансовой подушки для выкупа кризисной Европы). Китай был один из первых, который прореагировал на эту просьбу, передав в МВФ значительную сумму. Это реформирует расстановку сил в группе стран, принимающих решение в этом важнейшем финансовом центре мира.

¹ Fenby J. Chinese puzzle // Financial Times. March 31 – April 1, 2012.

² Op. cit.

Китайский успех, как и нынешняя американская стагнация, имеет в своей основе устойчивую систему мировых связей и взаимозависимость. Ни один регион мира не может развиваться без сотрудничества с другим. И это основная функция глобализации проявляет себя в полном объеме и сегодня. Каждый регион мира и его ведущие страны должны адаптироваться к постоянно изменяющейся мировой ситуации как свои успехи, так и неудачи.

В этих условиях мировая конъюнктура и основные акценты геополитики расставляются таким образом, чтобы обеспечить мирное развитие на длительную перспективу. Генри Киссинджер, автор интересной книги «О Китае», пишет по этому поводу: «Международная система является относительно стабильной, когда уровень надежности, требуемый ее членами, достигается путем дипломатии. Когда функции дипломатии нарушаются, взаимоотношения начинают концентрироваться, в основном, на военные стратегии: сначала в форме гонки вооружений, затем в поиске стратегических преимуществ, даже периферийных конфронтаций и, наконец, самой войны»¹.

Это означает, что устойчивость международной системы обеспечивается за счет геополитического равновесия и консенсуса интересов, основных факторов на мировой арене, подкрепленных международно-правовыми гарантиями и новыми договоренностями, снимающими конфликтные ситуации. Говоря об американо-китайских отношениях, Киссинджер прогнозирует, что «серьезнейшее соперничество между Соединенными Штатами и Китаем будет, скорее всего, экономическим и социальным, а не военным. Если современные тенденции в экономическом росте, финансовом благополучии, расходах на инфраструктуру, образование продолжатся, то разрыв между уровнями развития Америки и Китая и «третьих партнеров» может сокращаться, особенно в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Это перспектива, которую могут усилить или обратить вспять Соединенные Штаты»². Последняя фраза в этом высказывании весьма любопытна. Она свидетельствует о том, что, по мнению Киссинджера, США еще не определились, какую роль отвести Китаю в системе своего геополитического влияния – равноценного партнера или подчиненного, послушного исполнителя, подобную роли других стран Атлантической системы безопасности.

Совершенно очевидно, что окончательно собственные позиции в отношении России в своих геополитических играх США также еще не определили. В этом плане будущее во многом зависит от того, победят ли в США конструктивные силы, способные здравомысленно и трезво оценивать мировую ситуацию с учетом того, что ни одна держава мира уже не может играть господствующей роли, что единоецентрие как таковое провалилось, и что мир нуждается в новой геополитической структуре равновесия и взаимозависимости. Конечно, ничто не указывает на то, что современная мировая система может развиваться иначе в своих основаниях, чем она развивается сейчас. По-прежнему свободное движение капиталов и инвестиций будет лежать в ее основе. Известный немецкий социолог Ульрих Бек по этому поводу пишет: «Мы прощаем крестоносцам их дела и ожидаем сегодня инвесторов. Мы рассматриваем инвесторов не как опасность вторжения. Для нас, скорее, опаснее стратегия невторжения инвесторов, которая несет с собой угрозу замедления экономического роста»³. Однако для равномерного распределения потоков капиталов и инвестиций по всему миру, с учетом реальных потребностей и кризисных зон, необходим новый уровень доверия между государствами. Это может обеспечить только становление новой системы геополитического равновесия между ведущими государствами мира, определяющими специфику и уровни регионального сотрудничества.

В этих условиях второе десятилетие XXI в. бросает особый вызов в качестве объективной необходимости многостороннего геополитического взаимодействия Соединенным Штатам в качестве, по-прежнему, самой мощной в научно-техническом и экономическом отношении державы мира; Китаю, как наиболее динамично развивающейся в экономике и демографической сферах державе; и России, как обладающей наибольшей концентрацией мировых энергетических ресурсов. Своеобразие нынешней эпохи состоит в том, что эти страны нуждаются именно в том, чем обладает каждая из них в отдельности. Научно-техническое лидерство Соединенных Штатов делает ее привлекательным поставщиком hi-tech и know-how всему миру. Особенно в этом нуждается Российская Федерация, вступающая на путь решительной модернизации, и Китайская Народная Республика, серьезно продвинувшаяся по пути модернизации. Неисчерпаемые человеческие ресурсы Китайской Народной Республики, которые стали основой самой мощной производительной экономики мира, поставляют на мировые рынки необходимое количество товаров потребления, которые компенсируют некоторые промахи в этой деятельности у других стран, как в Европе, так и в Азии. Российская Федерация, являющаяся своеобразным банком природных богатств, в особенности энергоресурсов, на ближайшие десятилетия может предоставить эти ресурсы и остро нуждающемуся в них Китаю, и другим странам мирового сообщества.

Для развития этой новой системы геополитической взаимозависимости по-прежнему необходимо преодолеть политические предрассудки, складывавшиеся годами, воззвать к жизни и поддержать те конструктивные силы в этих трех странах, которые способны реалистически оценить как выгоды, так и возможную ущербность такого сотрудничества. И, наконец, международные организации, в частности ООН, должны сделать свое дело, приступив к серьезным реформам международной правовой системы в целях мирообеспечения и миросохранения, которое создаст в глобальных масштабах общественно-политическую среду, необходимую для трехполюсного мирового лидерства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дэвис Д., Трани Ю. Кривые зеркала. М., 2009.
Devis D., Trani Yu. Krivye zerkala. M., 2009.
2. Beck U. Power in the Middle Age. Frankfurt am Main, 2005.
3. Cox R. The ruthless overlords of Silicon Valley // Newsweek. March 19, 2012
4. Fenby J. Chinese puzzle // Financial Times. March 31 – April 1, 2012.
5. Giridharadas A. Real debate behind the media circus // International Herald Tribune. March 31 – April 1, 2012
6. Kissinger H. On China. New York, 2011.
7. Luce E. America's dream unravels // Financial Times. March 31/ April 1, 2012
8. Snow E. Stalin must have peace. Random House, 1947.

¹ Kissinger H. On China. New York, 2011. P. 516

² Op. cit. P. 525

³ Beck U. Power in the Middle Age. Frankfurt am Main, 2005. P. 102